

Он действительно боялся идти забирать машину к Бянь Яню. Во-первых, опасался, что его соблазнит та красота и он упустит дело, а во-вторых, с его сегодняшним состоянием, если не привести себя в порядок, он и обычным коллегам не смел бы показаться на глаза, не то что любимому человеку.

Чи Шу взглянул на себя в зеркало заднего вида — вид действительно был довольно помятый и уставший. Он снова вспомнил утреннюю сцену, прикрыл глаза, и на его лице от смущения выступил румянец.

Всю дорогу он раздумывал, и даже выйдя из ванной после умывания, всё ещё не придумал, что же делать и как действовать дальше.

Чи Шу зажёл ароматическую свечу, задернул светонепроницаемые шторы и в полумраке комнаты уставился на экран телефона, на тот диалог.

Всего он отправил три сообщения в WeChat, а Бянь Янь ни разу не ответил.

Хотя Чи Шу изначально и не рассчитывал, что Бянь Янь ответит, но, возможно, из-за последствий вчерашнего похмелья, сейчас он смотрел на это лишь с чувством поражения.

А те, кто знает Чи Шу, понимают — когда он чувствует себя побеждённым, ему нравится сходить с ума.

Именно такое сумасшествие, немного экстремальное, с мыслями разрушить всё, махнуть рукой и разбить вдребезги.

Чи Шу взъерошил волосы, перевернулся, уткнувшись лицом в подушку, и легонько ткнув пальцем дважды, набрал Бянь Яню видеозвонок.

Именно видеозвонок, не голосовой.

Как и следовало ожидать, Бянь Янь отклонил. Вслед сразу пришло сообщение.

Но Чи Шу не стал смотреть, а тут же набрал второй раз, третий, и наконец на четвёртый, когда звонок был уже почти сброшен автоматически, Бянь Янь ответил.

На той стороне было темно, вероятно, он специально чем-то прикрылся. Низкий, хриплый голос Бянь Яня прозвучал из динамика.

— Чи Шу, что случилось?

Чи Шу, что случилось.

Полное имя, очень приятно звучит.

Чи Шу поспешно подключил наушники, включил запись и ответил:

— Что? Босс Бянь, повтори, пожалуйста?

Бянь Янь сделал паузу, его тон стал немного суровее.

— Ты записываешь?

— А? — сердце Чи Шу ёкнуло, он спросил с изумлением. — Откуда ты знаешь?

— Я услышал звук начала записи, — пояснил Бянь Янь, помолчал и спросил. — Зачем тебе запись?

— Я... — Чи Шу на мгновение заколебался, но всё же решил сказать правду, однако слова сами собой приобрели лёгкий игривый оттенок. — То, как ты только что назвал меня по полному имени, показалось мне очень приятным, и я подумал, как было бы здорово засыпать под это каждый раз. Раз уж обладатель этого голоса ещё не оказался у моей кровати, я хотя бы запишу его и буду использовать как замену, в ожидании, в надежде на день, когда замена станет основным блюдом.

Сказав это, Чи Шу слегка опустил камеру, чтобы та захватила его расстёгнутый воротник, одновременно слегка приспустив веки, чтобы выглядеть невинно, чисто и в то же время невероятно соблазнительно.

Он сказал в камеру:

— Босс Бянь, я не могу заснуть, ты можешь меня убаюкать?

Чи Шу проснулся как раз тогда, когда вечерние сумерки окрасили небо в самые подходящие цвета, обжигающий красный вперемешку с оранжево-жёлтым пылал на полнеба. Он небрежно прибрал постель, чтобы проветрить комнату, нашёл комбинезон и пару ботинок доктора Мартенса.

В этом году, неизвестно почему, снова вошли в моду двенадцатидюймовые «мартенсы». Высокие голенища доходили до икр, Чи Шу немного подтянул резинку комбинезона, и только тогда смог его как следует закрепить.

Хотя двенадцатидюймовые, возможно, и слишком высоки, но надетые смотрятся действительно здорово — стильно и по-мужски.

Чи Шу присвистнул, глядя на своё отражение в зеркале, взял фен и уложил волосы, нанёс немного геля для фиксации, затем взвалил рюкзак на плечо и вышел из дома.

Напротив жилого комплекса тянулась целая улица закусочных. Обычно Чи Шу ходил туда за миской рисовой лапши или чем-то подобным, но сегодня было иначе — он зашёл в магазинчик, взял салат с сибасом и чёрный кофе.

Всё из-за мысли, что ему пора худеть.

Иначе в следующий раз, когда он будет заигрывать с Бянь Янем, возможно, даже грудные мышцы показывать постесняется.

Чи Шу мельком взглянул на калорийность масляно-уксусной заправки, убедился, что она невысока, и лишь тогда вылил её в салат и перемешал. Еда для похудения вряд ли может быть очень вкусной, но Чи Шу всегда умел находить радость в трудностях. Он подключил наушники и начал заикленно проигрывать ту запись.

Короткую, всего три секунды.

Но достаточно сладкую.

— Чи Шу, добрый день.

Электричество усилило хриплый низкий голос Бянь Яня, и он, слог за слогом, бился прямо в сердце Чи Шу.

Честно говоря, Чи Шу слышал от многих «доброе утро» и «спокойной ночи», но «добрый день» действительно редкость. За всю его жизнь, наверное, по пальцам одной руки можно пересчитать.

А Бянь Янь был той самой уникальной частью этого редкого меньшинства.

Чи Шу отхлебнул чёрного кофе, и ему показалось, что уровень сладости зашкаливает. Он скачал программу для сведения, обрезал ту запись и вставил её в песню Sukana «sugeree».

Нежная мелодия в сочетании с соблазнительным тембром голоса Бянь Яня была подобна шоколадному красному вину крепостью 8% — независимо от времени года, идеально подходила для того, чтобы сидеть на террасе в сумерках, слегка опьянев, смотреть на небо и целоваться, глядя на человека.

Чи Шу отправил Бянь Яню сведённую и оригинальную версии музыки, а затем, прямо у панорамного окна магазинчика, сфотографировал закат за окном и отправил с подписью:

— Чи Шу: Босс Бянь, я хочу целоваться с тобой в лёгком опьянении, ощущая, как аромат вина испаряется и становится обжигающим между нашими губами.

Отправив, Чи Шу убрал телефон, выбросил контейнер от еды вместе с бумажным стаканчиком в мусорку, взял салфетку и вышел из магазинчика, сев на метро до университета.

Станция метро Чжижун открылась всего несколько лет назад. Чтобы добраться туда, Чи Шу нужно было сделать пересадку, кроме неудобств, других проблем не было, и это был хороший вариант, когда он не ехал на машине.

В университет он прибыл как раз после пяти. Чи Шу быстрым шагом поднялся наверх и как раз подошёл к 14-му классу, когда прозвенел звонок с урока. Он не стал избегать, а просто встал в дверях, наблюдая, как поток студентов с шумом проносится мимо него.

Когда ученики почти все разошлись, Старина Люй наконец вышел из класса, неся в руках беспроводной микрофон.

Чи Шу подошёл и обнял его, подшучивая:

— Старина Люй, уже поужинал? Давай поедим вместе?

— Не трогай меня, — Старина Люй вытащил деревянную линейку и стукнул Чи Шу по руке. — Я поем дома.

Поесть дома? Этого нельзя допустить.

Чи Шу обнял его ещё крепче, лихорадочно перебирая в памяти меню университетской столовой:

— Что дома-то, сегодня в столовой рагу с баклажанами, вы же его так любите, пойдёмте, я угощаю.

— У меня в последнее время повышенное давление, не могу есть жирное, — Старина Люй почувал недоброе и начал вырываться. — Отпусти!

Чи Шу расплылся в улыбке:

— Нельзя жирное? Тогда как раз, рядом открылась новая мусульманская закусочная, я вас угощу.

Старина Люй начал раздражаться, его маленькие глазки расширились:

— Чи Шу, мерзавец, ты что, вместе с теми хочешь меня подставить?

Раз уж дело дошло до открытого разговора, Чи Шу перестал ходить вокруг да около и, забрав у него вещи, начал уговаривать с отеческой заботой:

— Как это подставить? Это собрание, которое все должны провести, раз уж вы находитесь на рабочем месте, нужно выполнять обязанности, правильно? Нельзя же получать деньги и не прикладывать усилий.

Старина Люй сердито приподнял бровь:

— Разве я не прилагаю усилий? В каком из моих классов результаты экзаменов опускались ниже трёх лучших в параллели? На каком экзамене не было отличников из моего класса?

— Эй, но работа включает не только это, есть ещё собрания у руководства, проверки сверху, — Чи Шу завёл его в учительскую, аккуратно сложил его вещи. — И к тому же, если вы так будете поступать, заведующему отделом тоже будет непросто, верно? Вы же всегда не любили доставлять другим хлопоты.

Старина Люй угрюмо хмыкнул, отхлебнул чаю:

— Просто не люблю этих чиновников в шапках.

— С этим ничего не поделаешь, кто же виноват, что вы такой выдающийся, правильно? — Рот Чи Шу так и разевался, льстивые, приятные слова слетали с его языка сами собой.

Старина Люй с возрастом становился всё более похожим на капризного ребёнка, но до буйства не доходил. Несколько лестных слов и апелляция к чувствам — и он сам всё понимал и соглашался.

Позвонив жене Старины Люя, чтобы доложить, Чи Шу повёл его в столовую поужинать, по дороге заодно обсуждая работу, жизнь и методы преподавания.

После ужина они сразу же поспешили в конференц-зал учебного корпуса, сели там и слушали собрание.

Обычно такие общефакультетские собрания с проверкой руководства сверху не заканчиваются, пока не пройдёт три-четыре часа. Но пропускать их нельзя, потому что каждый раз потом нужно сдавать отчёт о впечатлениях на несколько тысяч иероглифов. Короче говоря, это настоящее мучение.

Когда Чи Шу вышел из учебного корпуса с наполовину готовым отчётом, ночь уже была густой, как чернила.

До окончания вечерних занятий и ухода студентов оставалось ещё какое-то время, а завтра у него было утреннее занятие, поэтому Чи Шу не собирался больше задерживаться в университете. Попрощавшись со Стариной Люем, он направился напрямик в лавку самокруток.

Подойдя к входу, Чи Шу бросил взгляд на свой внедорожник и заметил, что на нём нет ни единого опавшего листа. Он провёл рукой по капоту — пыли тоже не было.

<http://bllate.org/book/15609/1393537>